

ТЕХНОЛОГИИ ОТЧУЖДЕНИЯ И ПРИЗРАК КОММУНИЗМА

© 2017

Д.А. Давыдов

Последние несколько лет были богаты на интеллектуальную литературу левой направленности, проникнутую своего рода общим “духом”, набором родственных идей. Было бы, наверное, опрометчиво напрямую отождествлять весь этот интеллектуальный энтузиазм с марксизмом. Речь идет, скорее, о довольно широком спектре концепций и теорий, чьи авторы поднимают весьма разные проблемы и отвечают на поставленные вопросы весьма по-разному. Однако большая часть современных авторов в той или иной степени вдохновлены гуманистическими идеями Маркса, в особенности “раннего” Маркса эпохи “Парижских рукописей” [10]. Это, прежде всего, идея возможного посткапиталистического общества, в котором, наконец, больше не будут испытывать нужду в материальных благах, а значит — не будет отчуждения, *отчужденного труда*. В таком обществе, как мы знаем, предполагается отсутствие эксплуатации, реализация принципов свободы и равенства. Человек там реализует свою *родовую сущность* через *творчество*.

Но оправданы ли надежды на коммунистическое будущее, по крайней мере, в том виде, в каком коммунизм представляли и продолжают? На наш взгляд, сегодня перед гуманистической перспекти-

вой в марксистском духе и вообще перед идеей коммунизма стоят существенные преграды. Обусловлены они сущностью *технологических изменений* в современном обществе. Понятно, что технологии сами по себе не могут быть “плохими” и их применение зависит от черт самого общества, но некоторые технологии просто *не могут не менять общество принципиальным образом*. Их невозможно запретить, и их развитие, разрешая старые проблемы, неизбежно порождает новые.

Примечательно, что определенные технологические направления, анализируемые далее (например, геновая инженерия человека), нередко рассматриваются как нечто такое, что не только не противоречит существующим представлениям о коммунизме, но и, в некотором роде, *дополняет их*. Поэтому одна из наших задач — раскрыть двойственность данных технологий, их мощный “отчуждающий” потенциал.

Унаследованный от марксизма гуманизм в современных концепциях посткапитализма

Хотя идея пролетарской революции с последующим построением плановой экономики до сих пор сохранила немало сторонников, в

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

Давыдов Дмитрий Александрович — кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН. В журнале публикуется впервые. E-mail: davydov_ifp@mail.ru

последнее время все большая часть левых мыслителей разрабатывают новые концепты, формирующие в совокупности новое направление социал-демократического реформизма. Конечно, пока не существует какой-либо последовательной теории: есть ряд ставших популярными идей, но идеи эти редко объединяются во что-то цельное. Тем не менее, попытки синтеза существуют. Можно, например, отметить вышедшую недавно на русском языке книгу П. Мейсона “Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему”, в которой собраны наиболее популярные сегодня идеи левых [10]. Эти идеи существенно отличаются даже от неомарксизма Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и т.д.). Основные новшества затрагивают представления о субъекте грядущего перехода к коммунистическому обществу, о реалиях такового, а также о характере изменений.

Логике современных концепций посткапитализма можно коротко представить следующим образом:

1. **Современный когнитивный капитализм** — вид капитализма, в котором знание становится доминантой в процессе накопления капитала и основным источником стоимости — *исчерпывает свой внутренний потенциал, так как знание легко отчуждается и обобществляется, создается не трудом, а талантом* и в целом всем своим существом противоречит логике погони за прибавочной стоимостью (А. Горц [4]).

2. **Современные технологии позволяют множеству людей объединяться и коллективно решать те или иные проблемы, попутно создавая блага с нулевыми предельными издержками** (“общество, в котором прирост производства ничего не стоит”) (Дж. Рифкин [12]).

3. **Современные же технологии приведут человечество, в**

конце концов, к массовой безработице. (О данном тренде сегодня в принципе модно говорить. За последние пару лет вышло сразу несколько книг, авторы которых приводят доказательства в пользу того, что в будущем роботы вытеснят большую часть рабочих, а эпоха всеобщей занятости останется далеко позади (Р. Коллинз [7], М. Форд [16], Дж. Каплан [22] и др.)).

4. **На фоне обесценивания человеческого труда появляется довольно большая прослойка прекариата** (от англ. precarious — уязвимый) — людей, находящихся в сложном положении ввиду отсутствия постоянного места работы и социальных гарантий. Эта прослойка постепенно приобретает классовое самосознание, а потому может выступить ведущей политической силой грядущих перемен (Г. Стэндинг [14]).

5. **Несмотря на ряд существенных проблем, современное общество порождает большие возможности для постепенного развития той сферы общественных отношений, которые не вписываются в капиталистическую логику** (“третий сектор” — сектор экономики, включающий в себя организации, не относящиеся ни к числу государственных или муниципальных, ни к числу учреждений бизнеса). Автоматизация производства приводит к избытку материальных благ, а потому сегодня создаются комфортные условия для *освобождения от труда*. Общество должно обеспечить всех граждан *безусловным доходом* (безвозмездные выплаты всем некоторой денежной суммы), который позволит им заниматься тем, что им действительно нравится. Иными словами, речь идет о приближении к тому, что Маркс вполне мог бы назвать коммунистическим обществом. При этом допускается, что путь к этому состоянию тернист и полон сопутствующих проблем (глобальное изменение климата, терроризм, неравенство и т.п.) [11].

К слову, идея безусловного дохода уже давно вышла за пределы страны академических изданий и является одной из самых обсуждаемых в таких странах, как США, Швейцария, Канада, Дания, Финляндия и др.

За всеми этими рассуждениями о посткапитализме кроется унаследованная от Маркса вера многочисленных теоретиков в то, что современное общество имеет все шансы перейти в качественно новое состояние, когда люди, наконец, обретут свое подлинное “я”. Как и Маркс, многие современные левые рассуждают об объективных предпосылках перехода от царства необходимости к царству свободы. Для этого нужно дать людям возможность распоряжаться своим временем — отказаться от работы как таковой и посвятить все свое время саморазвитию и творческому самовыражению. Все время общество *вынуждало* многих людей делать то, что им не нравится, в то время как при наличии минимального достатка они занялись бы получением образования, саморазвитием, творчеством и т.п.

Все эти идеи *гуманистичны* по определению. И гуманизм здесь заключается вовсе не только в том, что в центре рассмотрения оказывается человек с его нереализованной сущностью, с его сопротивлением всеобщему отчуждению (коммодификации), с его попытками поиска смысла жизни в творчестве и т.п. (то есть все то, что характеризовало труды молодого Маркса, а затем того же Э. Фромма [17] и многих других). Это еще и гуманизм веры в то, что настоящий Человек прячется где-то за тенью отчуждения. Как отмечает Э. Фромм, “это скорее духовный экзистенциализм (на секуляризованном языке), и именно ввиду своей духовной сущности он не совпадает, а противостоит материалистической практике” [18].

Такая философия есть, в сущности, философия преодоления об-

щества *индивидов* и предчувствия общества *личностей*. При этом капиталистический индивид (сегодня мы называем его “человеком экономическим”) представляется отчужденным, утратившим смысл своего существования. Маркс считал, что нужно сделать так, чтобы человек принадлежал сам себе. Тогда труд станет для него способом самораскрытия (самодетельностью), обретения подлинного смысла жизни (того, что отличает его от животного). Цель Маркса — это общество полноценных, всесторонне развитых личностей.

Однако будущее рисует перспективу, в которой сущностные силы человека становятся попросту *бесполезными*. Кроме того, сама идея коммунизма как братского общества, где каждый чувствует гармонию своей личности, свою общественную полезность, оказывается перед лицом трудноразрешимых проблем.

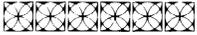
Совместимы ли существующие представления о коммунизме с новыми тенденциями технологического развития?

Отметим три наиболее важные, на наш взгляд, тенденции, которые делают коммунизм в современном понимании практически недостижимым.

1. Автоматизация творчества.

Именно в *свободном творчестве* многие современные теоретики видят основу для строительства коммунистического общества. А. Горц, например, приводит цитату социолога П. Химанена: “Для хакеров¹ вроде Торвальдса [одного из главных инициаторов “Движения за свободные программы”] исходным пунктом являются не деньги и не работа, а страстная увлеченность и потребность создать совместно с другими нечто

¹ Здесь слово “хакер” употребляется не в значении “компьютерный взломщик”, а том значении, которое придавалось ему изначально, при его появлении в языке: энтузиастов, прежде всего программистов, “одержимых” недавно появившимся компьютером и связанными с ним интеллектуальными задачами и рассматривающих работу с компьютером не как средство для достижения каких-то целей и решения каких-то “внешних” задач, а как самоцель.

общественно ценное, вызывающее уважение коллег. Деятельность хакера основана на этике добровольного сотрудничества, в ходе которой каждый меряется с другими качеством и потребительской стоимостью вклада, брошенного в общий котел, и добровольно соотнобразует свои действия с действиями других. Здесь ничего не производят в расчете на рыночный сбыт. Меновая стоимость совершенно не учитывается, важна лишь потребительская стоимость, которая по самому своему существу неизмерима. Здесь нет принципа “даю, чтобы мне дали” <...> Средоточием жизни становится удовольствие и индивидуальное творчество” [4, с. 93]. Иными словами, будущее коммунистическое общество мыслится как общество свободно взаимодействующих творцов. Их деятельность есть не работа, а то, что способствует самосовершенствованию, приносит удовольствие, формирует идентичность. Классический пример свободного творчества, идущего вразрез с принципами капитализма, к которому нередко обращаются исследователи, — это деятельность авторов и редакторов Википедии. Как отмечает П. Мейсон, “тысячи людей, занимающихся редактурой, работают бесплатно. Одно исследование пользователей установило, что 71% из них делают это потому, что им нравится мысль работать бесплатно, а 63% — потому, что верят, что информация должна быть бесплатной” [11, с. 186].

В принципе, надежда на человека, его сущностные силы, его творчество — все это, опять же, унаследовано от Маркса. Высокие технологии освобождают человека от рутинной и разного рода *мусорной работы*. Таким образом, в активной компьютеризации и автоматизации многие видят формирование благоприятной почвы для перехода к коммунизму.

Но оправдана ли эта надежда? Сегодня мы можем выдвинуть

предположение, что творческие силы человека благодаря тем же “технологиям освобождения” будут, скорее, “обесценены”. Людям будет сложнее находить сферы применения своим способностям, то есть им будет крайне трудно найти свое “Я” в деятельности. О том, что машины заменят человека во многих отраслях экономики, сегодня говорится и пишется очень много. Например, исследователи из Школы Мартина при Оксфордском университете провели исследование, в ходе которого сделали вывод, что почти 50% существующих в мировой экономике рабочих мест будут полностью автоматизированы [16, с. 164]. Однако эти разговоры касаются, в основном, профессий, связанных с рутинными процессами. А, как уже было сказано, для сторонника коммунистического будущего избавление от рутины является только благом. В конце концов, освободившееся время люди могут потратить на творчество. Но события развиваются настолько быстро, что и творчество может быть в значительной степени “узурпировано” машинами. Речь идет о *творческих* возможностях *искусственного интеллекта*.

Тему искусственного интеллекта современные философы нередко предпочитают обходить стороной, относя ее к категории фантастики. Однако за последнее десятилетие в этой области произошло столько изменений, что подобная позиция представляется, как минимум, недалеконивидной. Один из пионеров исследований искусственного интеллекта Р. Курцвейл полагает, что искусственный интеллект (ИИ), сопоставимый с человеческим, будет создан к 2029 году. Столь скорое наступление так называемой *сингулярности* (момента, после которого предсказать дальнейшую судьбу человечества не представляется возможным), объяснимо тем, что современная наука подошла вплотную к понима-

нию функционирования человеческого мозга, структура которого оказалась весьма однородной. Как пишет Курцвейл, “какие-то детали этого механизма мы пока понимаем не полностью, но мы знаем достаточно, чтобы создать алгоритм, приводящий к тем же результатам” [9, с. 17].

К тому же для создания *творческой машины* отнюдь не обязательно воспроизводить мозг человека или создавать искусственное сознание. Достаточно эмулировать сам *творческий процесс*. В немалой степени это уже воплощено на практике. Автор книги “Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens” Дж. Баррат, приводит ряд примеров, демонстрирующих возможности *генетического программирования*. В сущности, генетическое программирование является компьютерной симуляцией эволюции. Машина с безумной скоростью подбирает и комбинирует разные варианты решения творческой задачи, появляющиеся в результате “мутаций” и “скрещиваний”, до тех пор, пока она не будет решена. Например, Дж. Коца из Стэнфорда “использовал генетические алгоритмы при проектировании антенны для NASA, при разработке программ распознавания белков и конструировании электрических контроллеров общего назначения. Двадцать три раза генетические алгоритмы Козы самостоятельно изобрели электронные компоненты, уже запатентованные людьми; программы работали просто по целевым инженерным спецификациям готовых устройств — это был критерий пригодности. К примеру, алгоритм Козы изобрел преобразователь напряжения” [1, с. 153]. А Ход Линсон из Лаборатории вычислительного синтеза Корнельского университета “разработал программное обеспечение, способное выводить законы природы из необработанных данных. Наблюдая за двойным маятником, эта

система заново открыла законы Ньютона. В роли ученого в данном случае выступал генетический алгоритм. Начал он с грубых догадок (предположений) об уравнениях, описывающих движение маятника, а много поколений спустя выдал физические законы, например закон сохранения энергии” [1, с. 184].

Таким образом, если в ближайшем будущем и не появится искусственный сверхразум, то, как минимум, огромную долю ныне считающейся творческой работы будут выполнять алгоритмы ИИ. Человеку останется только *искусство* как то, что автоматизировать невозможно, ибо искусство — это сфера выражения *человека*, его внутреннего мира, то есть эмоций и переживаний, которые вряд ли когда-либо смогут доподлинно “понять” машины. Тем не менее можно усомниться в том, что искусство является той сферой, которая позволит каждому из семи миллиардов или более людей стать *кем-то*, то есть *иметь возможность* рассказывать истории *о себе*, получить какое-то внутреннее удовлетворение от *присутствия смысла жизни*. “Несложно представить прекрасный новый мир, — пишет Ю. Шушкевич, — в котором люди половину дня создают художественные ценности, а во второй половине — потребляют подобные же ценности, созданные другими, посещая театры и всевозможные вернисажи. Однако ответ на вопрос: зачем это делается — оказывается отнюдь не тривиальным. Ведь до сих пор вся привычная нам творческая деятельность была востребована лишь постольку, поскольку отражала и преломляла образы мира, стоящего и ревущего под напором стихий, страстей и борьбы. Однако коль скоро последние будут преодолены — станет ли кто читать стихи о гармонии покоя или вслушиваться в симфонию сфер?” [20, с. 258]. Тем более, роботы и здесь могут представить некоторую, хоть и весьма специфическую, альтер-

нату. М. Форд, например, описывает случай, когда в июле 2012 года Лондонский симфонический оркестр исполнил композицию под названием “Переходы — в бездну”. Автором данной композиции был суперкомпьютер Iamus. Как сообщает Форд, «один из критиков назвал ее “утонченной и восхитительной”» [16, с. 153]. Аналогичная ситуация с The Painting Fool — алгоритмом, “пишущем” картины (многочисленные примеры созданных данным устройством “произведений искусства” можно найти в Сети).

Конечно, автоматизация творчества не приведет к немедленному обесцениванию человеческого труда. В конце концов, не все творческие задачи стоит возлагать на ИИ. Если позволить достаточно “умному” компьютеру решать принципиальные (в том числе политические) вопросы, то велик риск “восстания машин”, а именно воплощения в жизнь сценария “Busy Child”, подробно описанного в книге Дж. Баррата [1]. Человеку, таким образом, стоило бы оставить самому себе *политику, искусство и решение принципиальных вопросов научного и технического творчества*. В этих сферах деятельности вполне могла бы реализоваться *человеческая личность*. Однако самореализация при таком развитии событий оказывается *прерогативой избранных* — тех, кто способен соревноваться в своих творческих способностях с искусственным интеллектом. Большая же часть населения, по всей видимости, будет довольствоваться статусом “вынужденных рантье” — тех, кто *просто живет*, довольствуясь минимальным набором общедоступных благ.

2. Генная инженерия и становление “человека-гаджета”.

Генная инженерия — технология, которая уже сегодня реально работает. Совсем недавно ученые научно-исследовательского Института Фрэнсиса Крика (Великобритания)

стали первыми, кому было официально разрешено редактировать гены человеческого эмбриона на ранних стадиях развития. По сообщениям СМИ, “задача, которая стоит перед группой доктора Кэти Никен, руководителя проекта, — понять, как развивается эмбрион в первые 7 дней” [3]. Данное событие вряд ли обрадовало тех, кто считает, что изменение генома человека может привести к нежелательным последствиям.

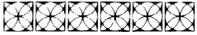
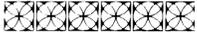
В принципе, о возможных последствиях генной инженерии человека сказано уже достаточно много. Собственно говоря, аргументы сторонников и противников данных технологий достаточно просты и могут быть сведены к ряду утверждений. Пессимисты считают, что генная инженерия человека может привести к непредсказуемым последствиям как для тех, в чьи гены изменения вносятся, так и для человечества в целом. Ведь в случае “успеха” доступ к новым улучшениям получат наиболее обеспеченные, а это увеличит социальную поляризацию: богатые получают одни возможности, а все остальные — другие, более подходящие для их социального статуса. Как отмечает Н.А. Комлева, “наличие постлюдей / транслюдей и замена ими биологического вида “обычного человека” закрепит все природные ресурсы (в том числе биологические и интеллектуальные ресурсы самого человека — наемного работника) за определенными акторами на глобальном уровне” [8, с. 21]. Ф. Фукуяма и вовсе считает, что генная инженерия человека приведет к утрате “нашей человеческой сущности — то есть важного качества, на котором держится наше ощущение того, кто мы такие и куда идем, какие бы не происходили изменения с человеком за всю его историю” [19, с. 147]. Оптимисты же, напротив, верят в то, что генная инженерия приведет человечество к избавлению от всех бо-

лезней, а также сделает людей умнее и сильнее, а то и вовсе откроет новые грани бытия.

В принципе, сам факт того, что общество активно приближается к целенаправленным вмешательствам в геном человека, может говорить об актуальности существующих представлений о коммунизме: возможности генетики могут быть направлены на *улучшение общества*, на избавление его от существующих пороков, вроде зависти, лжи, корысти и т.п. Более того, возможно, необходим тщательный контроль всего общества над биологическими технологиями и использование их исключительно в *эгалитарных* целях. В конце концов, вероятно, что коммунизм и возможен только как результат активной деятельности расы сверхлюдей. Многие советские фантасты в своих утопических произведениях активно описывают людей коммунистического будущего, чьи физические и умственные возможности значительно улучшены (например, “Обитаемый остров”, “Волны гасят ветер” А. и Б. Стругацких, “Туманность Андромеды”, “Час Быка” И.А. Ефремова и др.). На сайте Российского трансгуманистического движения можно найти следующие слова, принадлежащие И. Герасимову: “Коммунизм — это ликвидация не только неравенства людей по отношению к неодушевленным средствам производства, к предметам потребления. Сам человек, также являясь производительной силой и наивысшей ценностью при коммунизме, должен обрести возможности, позволяющие ему стать свободным от раз и навсегда, при рождении, установленных слепой природой ограничений. Он должен обрести равные стартовые возможности не только в материально-имущественном, социальном, аспекте, но и в биологическом. Иначе это не коммунизм. Не имеет смысла ликвидировать имущественное неравенство, если продолжает существовать биологическое” [2].

Однако, на наш взгляд, генная инженерия человека приведет к появлению *новых форм отчуждения*. Возможно, Ф. Фукуяма прав говоря, что утрата человеком его природной сущности, ведет к нежелательным последствиям. Можно дополнить его утверждение, отметив, что природная обусловленность человеческих талантов и способностей является условием *внутренней свободы* (как бы парадоксально это ни звучало). Человек ощущает такую свободу, потому что не знает до конца своих возможностей, потому что за его личностью скрывается нечто неповторимое и индивидуальное, обусловленное чем-то *загадочным*. Его природная сущность определена *обстоятельствами*, а не *волей* кого-либо. Если же ключевые характеристики личности можно задавать заранее, то “модифицированный” человек оказывается внутренне несвободным, он есть *проект, воплощение, создание, чье-то видение или даже чей-то инструмент*. Как пишет А. Горц, “ребенок всю жизнь будет ощущать чужую власть, вписанную в его гены... это означает конец великих мифологических традиций, обосновывающих единство народа или культуры исходным единством происхождения всего человечества. Без общности происхождения, без общего понимания всеми каждого невозможны ни культура, ни цивилизация, не может быть ни предков-основателей, ни традиции, передающейся из поколения в поколение” [4, с. 145–146].

Однако важнее другой аспект: генная инженерия может породить *человека-гаджета*, особенностью бытия которого окажется *быстрое устаревание* подобно тому, как сегодня быстро устаревают айфоны. На самом деле, это, вероятно, наиболее *тяжелая* в экзистенциальном смысле форма неравенства из всех возможных. Природное неравенство еще может быть принято за данность, с ним можно пы-

таться смириться. Человека к тому же может успокаивать социальная мифология, повествующая, что каждый хоть в чем-то талантлив, а совсем ни к чему не способных мало, так что в общей картине “*все люди равны*”. Более того, до тех пор, пока человеческая личность покрыта завесой *тайны*, тот, кто оказывается в “жизненном проигрыше”, всегда может связать свои неудачи с обстоятельствами, а успехи других — с везением. Генная инженерия, напротив, делает возможности человека просчитываемыми, а последствия изменений — предсказуемыми. Для тех, кто окажется “устаревшей версией”, больше не найдется оправданий. Они будут ощущать *неотвратимость* своего положения. Все это может привести к отчуждению и несчастью.

Конечно, стоит ожидать развития технологий, которые позволяют вносить точечные изменения в геном уже рожденных людей (например, CRISPR/Cas9). Однако область их применения ограничивается лечением генетических заболеваний или борьбы с раковыми опухолями. Изменение генома взрослого человека сегодня технически невозможно, и вряд ли станет возможным в обозримом будущем. Здесь есть фундаментальная проблема: определенное количество генов активны только в течение очень ограниченного периода развития организма. Иными словами, генная инженерия не позволит превратить мужчину в женщину или, например, вырастить новые, более сильные руки взамен старых.

Можно также допустить, что генная инженерия человека всегда будет под запретом. Большая часть ученых и общественных деятелей сегодня выступают против вмешательства в зародышевую линию человека [21]. Основные возражения связаны с тем, что существующие технологии далеки от совершенства и допущенные ошибки уже не исправить. Но не все разде-

ляют мнение большинства. Например, английский философ Дж. Харрис отмечает, что ежегодно около 7,9 млн. детей рождаются с серьезными генетическими дефектами. Природа, таким образом, также очень часто допускает ошибки [21, с. 17]. Немаловажно и то, что генная инженерия попросту *соблазнительна*: любой родитель хочет, чтобы его ребенок обладал выдающимися способностями. Поэтому законно или незаконно эти технологии будут развиваться ввиду высокого спроса. Однако вероятно также, что человечество будет *вынуждено* прибегнуть к генной инженерии с целью “исправления” генофонда (так как процесс естественного отбора уже практически не работает и из-за прогресса в медицине выживают все, наблюдается постепенное накопление “вредных” мутаций) или вовсе для того чтобы не допустить антропологического кризиса [5]. Более того, технологии генной инженерии человека будут развиваться уже постольку, поскольку генетически модифицированный человек может стать оружием, а контролировать научные разработки и эксперименты по всему миру сегодня крайне сложно.

Таким образом, вероятно, что последствия генной инженерии человека будут выходить за рамки наших представлений об обществе (в том числе коммунистическом). И этот фактор дополняет то, что было сказано выше об “автоматизации творчества”. Человек будущего в данной перспективе не является счастливым творцом, живущим в гармонии с обществом. Напротив, он, как правило, глубоко несчастен, ибо *не видит смысла* в своем творчестве (ведь “машинное творчество” гораздо более продуктивно). Более того, само общество ему чуждо, так как он больше не “венец природы”, а чей-то инженерный проект, обреченный на быстрое устаревание. Разумеется, здесь есть место для многих избранных, наиболее

талантливых (совершенных) и везучих. Для всех остальных не остается ничего, кроме “простой жизни”: *обыденной погони за удовольствиями (впечатлениями?) и сопутствующей ей деградации.*

3. “Испытание кайфом”.

Маркс верил в то, что коммунистический человек не будет нуждаться ни в каких формах власти, указывающей что ему делать и как ему жить. Разумеется, это не значит, что при коммунизме не должно быть никакой власти. Как пишет Т. Иглтон, «при коммунизме принуждающее государство уступает место координирующему органу. Но это будет не то государство, которое мы сами смогли бы легко признать за таковое. Это как если бы кто-то из нас, ожидающих увидеть нечто гораздо более грандиозное и монументальное — к примеру, нечто вроде Вестминстера, Уайтхолла и таинственно-загадочного принца Эндрю, — вдруг оказался бы внутри децентрализованной сети самоуправляемых сообществ, гибко регулируемых демократически избранной центральной администрацией, и заявил: “И это государство!”» [6, с. 245]. Однако личность в коммунистическом обществе, как признается, должна быть *свободной*, то есть каждый должен иметь возможность заниматься тем, чем он считает нужным (в рамках здравого смысла). Это, будто бы, важнейшее условие преодоления отчуждения.

Но будет ли свободное творчество человека направлено только на рациональное постижение мира, или он захочет также созидать новые формы досуга и экспериментировать с миром удовольствий? Более того, сможет ли он отличить “хорошее” удовольствие (наполненное необходимыми для человека чувствами радости и беззаботности) от “плохого” (связанного с ленью и деградацией личности)? Проблема здесь в том, что развитие производительных

сил приводит не только к постепенному освобождению от вынужденного труда, но и к одновременному *избытку досуга* в негативном смысле как досуга *исключительно развлекательного*. Уже сегодня существует настоящее *изобилие удовольствия*: от обжорства до виртуальной реальности; от красочных и увлекательных телесериалов до разного рода экстрима “экономики впечатлений”. Совсем недавно был изобретен “наркотик” (опиоид PZM21), не вызывающий зависимости, то есть, по сути, *таблетка удовольствия* [15].

С ощущениями удовольствия связано прилежащее ядро мозга. В книге “Эволюция разума” Р. Курцвейл приводит довольно известный пример: “в экспериментах 1950-х гг. было показано, что крысы, способные напрямую стимулировать этот небольшой участок мозга (нажимая на рычаг, активировавший имплантированные электроды), предпочитали это занятие всем другим, включая секс и еду, доводя себя до истощения и смерти” [9, с. 152]. Разумеется, это актуально и для человека, который легко *впадает в зависимость от удовольствия*. Сегодня индустрия развлечений движется к тому, чтобы обеспечить каждому свои “рычаги удовольствия”. Казалось бы, это вновь приводит к актуализации существующих представлений о коммунизме. В “Немецкой идеологии” Маркс пишет, что коммунизм не есть “*состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность...”, но “*действительное движение*, которое уничтожает теперешнее состояние” [10, с. 415]. Это означает, что построение коммунизма есть, прежде всего, *движение к нему путем непосредственного становления зрелых личностей*. Эти личности, стало быть, *способны рефлексировать*, то есть могут что-то противопоставить соблазнам. Однако в контексте вышесказан-

ного маловероятно, что подобное движение сможет охватить все население. Огромное количество людей попросту не смогут найти себя в творчестве, так как проиграют в “конкурентной борьбе” ИИ и генетически модифицированным сверлюдям. Им останется только одно — наслаждаться жизнью, то есть, фактически, *развлекаться, получать удовольствие*. Это и есть “испытание кайфом”, которое общество может и не пройти, в итоге трансформировавшись в совокупность отчужденных друг от друга групп. Более того, вполне возможно, что это испытание не пройдут и те, кто будет стоять на вершине социальной иерархии. Как отмечает А. Мирошниченко, “сверхличность, попадающая в замкнутый круг возгонки удовольствия, просто не состоится. Она попадает в некоторое состояние, которое является вегетативным” [12, с. 54].

Итак, уже сегодня мы можем наблюдать технологические и обусловленные ими социальные изменения, которые могут стать непреодолимым препятствием для тех, кто стремится к коммунизму. Разумеется, можно допустить, что общество решит не развивать технологии искусственного интеллекта, будет всегда держать в строгом запрете генную инженерию человека, а также возьмет под жесткий контроль всю индустрию развлечений. Однако, по сути, это уже есть *общество запрета, а не свободы*. И маловероятно, что эти запреты будут работать повсеместно. Более того, творчество человека в таком случае теряет свою незаменимость; в случае запрета все тех же генетических алгоритмов или ИИ человек предстает уже не гордым творцом, не Личностью, на которую стоит равняться, а тем, кто занимается абсурдной деятельностью, не имеющей общественной ценности (ибо общество вполне могло бы обойтись другими, более эффективными, способами нахождения искомого).

Таким образом, даже в преодолевшем нужду и экономическую обусловленность жизни обществе возможны новые формы отчуждения и неравенства. Не испытывающего нужды в материальных благах человека будущего вполне можно представить страдающим от безысходности, не видящим смысла жизни и не находящим применения своим сущностным силам, а потому стремящимся заместить страдание получением удовольствия. Тем не менее, вышесказанное не означает, что лучший подход — это технологический детерминизм. Общественные институты можно улучшать, попутно стремясь предотвратить социальные катастрофы. Однако способы “улучшения жизни”, то есть смягчения экзистенциального кризиса, будут выходить далеко за рамки существующих представлений о коммунизме. Данные представления есть плод ушедшей эпохи, и адекватно осмыслить современные тенденции с их помощью невозможно. Поэтому можно с довольно большой степенью уверенности сказать, что сетевым образом организованное общество свободных неотчужденных творческих личностей, о котором мечтали и продолжают мечтать, неосуществимо (по крайней мере, в перспективе ближайшего столетия).

Возможно, минимизировать последствия “сингулярности” можно будет при помощи сильных государственных институтов, контролирующих науку, образование и, что немаловажно, воспитание. Но опираясь на сегодняшние представления о мире, можно было бы воспротивиться такой перспективе, апеллируя к тому, что уж лучше все те вышеописанные проблемы, чем новые формы авторитаризма или тоталитаризма. Однако вся особенность ситуации заключается в том, что наши представления о сильном государстве также вряд ли окажутся актуальными в будущем. В конце кон-

цов, то, за что порой не любят сильную государственную власть, — это пороки тех, кто ее представляет, их корысть и жажда власти. Однако возможно, что власть и материальный достаток не будут так сильно заботить людей будущего, а на первый план выйдут вопросы, касающиеся непосредственно их *бытия*. Будет ли тогда централизованная власть такой, какой она является сегодня, или под ней будет подразумеваться скорее бремя коллективной ответственности и источник смысла жизни как наиболее дефицитного ресурса “сингулярного” общества?

Литература

1. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens*. М.: Альпина Нон-фикшн, 2015.

2. Бессмертие и коммунизм. Репортаж из криохранилища первой российской “фирмы бессмертия” — компании “КриоРус” и беседа с ее генеральным директором Данилой Андреевичем Медведевым // Российское трансгуманистическое движение (сайт). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/371/144/> (дата обращения: 30.04.2017).

3. В Британии разрешили редактировать человеческий эмбрион // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2017/03/07/embriion-genetics> (дата обращения: 30.04.2017).

4. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

5. *Дубровский Д.И.* Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 51–54.

6. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав? М.: Карьера Пресс, 2017.

7. *Коллинз Р.* Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35–50.

8. *Комлева Н.А.* Постчеловек как соблазн и угроза // Электронный журнал “Вестник МГОУ” / www.evestnik-mgou.ru. 2016. №3. С. 17–24.

9. *Курцвейл Р.* Эволюция разума. М.: Издательство “Э”, 2016.

10. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект. С. 415.

11. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010.

12. *Мейсон П.* Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

13. *Мирошниченко А.* Освобождение авторства. Адаптемы медиа // Сингулярность. Образы “постчеловечества” / Сост. К.Г. Фрумкин. М.: ООО “ТД Алгоритм”. С. 73–109.

14. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция. М.: Альпина Нон-фикшн, 2014.

15. *Стэндинг Г.* Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

16. Ученые создали не вызывающий зависимости наркотик-опиоид // ВладТайм. URL: <http://www.vladtime.ru/ nauka/504773> (дата обращения: 30.04.2017).

17. *Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016.

18. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ Москва, 2015.

19. *Фромм Э.* Концепция человека у Карла Маркса. Избранные главы. URL: <http://libelli.ru/works/concept.htm> (дата обращения: 30.04.2017).

20. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008.

21. *Шушкевич Ю.* Генеалогия нового неба. Реконструкция прошлого может стать основной задачей будущих поколений // Сингулярность. Образы “постчеловечества” / Сост. К.Г. Фрумкин. М.: ООО “ТД Алгоритм”. С. 256–274.

22. *Юдин Б.Г.* Редактирование человека // Человек. 2016. № 3. С. 5–19.

23. *Kaplan J.* Humans Need Not Apply: A Guide to Wealth and Work in the Age of Artificial Intelligence. New Haven: Yale University Press, 2015.

Д. Давыдов
Технологии
отчуждения